

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.923, 159.9(091), 159.9(092), 331.101.3

ПОНЯТИЕ МОТИВА У А.Н. ЛЕОНТЬЕВА И ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА МОТИВАЦИИ

Д. А. Леонтьев

В статье рассматривается становление понятия мотива в теории А.Н. Леонтьева в соотнесении с идеями К. Левина, а также с различием внешней и внутренней мотивации и понятием континуума регуляции в современной теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Раскрыто разведение внешней мотивации, основанной на награде и наказании, и «естественной телеологии» в работах К. Левина и (внешнего) мотива и интереса в ранних текстах А.Н. Леонтьева. Подробно рассмотрено соотношение мотива, цели и смысла в структуре мотивации и регуляции деятельности. Вводится понятие качества мотивации как меры согласованности мотивации с глубинными потребностями и личностью в целом и показывается взаимодополнительность подходов теории деятельности и теории самодетерминации к проблеме качества мотивации.

Ключевые слова: мотив, цель, смысл, теория деятельности, теория самодетерминации, интерес, внешняя и внутренняя мотивация, качество мотивации.

Актуальность и жизненность любой научной теории, и в том числе психологической теории деятельности, определяются тем, насколько ее содержание позволяет нам получить ответы на вопросы, которые стоят перед нами сегодня. Любая теория была актуальна во время, когда она создавалась, давая ответ на вопросы, которые

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ, профессор ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и НИУ ВШЭ.
E-mail: dleon@smysl.ru

были в то время, но не любая сохранила эту актуальность надолго. Теории, которые относятся к живым, в состоянии дать ответы на сегодняшние вопросы. Поэтому любую теорию важно соотносить с вопросами сегодняшнего дня.

Предметом данной статьи является понятие мотива. С одной стороны, это очень конкретное понятие, с другой стороны, оно занимает центральное место в работах не только А.Н. Леонтьева, но и многих его последователей, развивающих деятельностную теорию. Ранее мы уже неоднократно обращались к анализу взглядов А.Н. Леонтьева на мотивацию (Леонтьев Д.А., 1992, 1993, 1999), сосредотачиваясь на таких отдельных их аспектах, как природа потребностей, полимотивация деятельности и функции мотива. Здесь мы, кратко остановившись на содержании предыдущих публикаций, продолжим этот анализ, уделив внимание прежде всего обнаруживающимся в деятельностной теории истокам различения внутренней и внешней мотивации. Мы также рассмотрим взаимоотношения между мотивом, целью и смыслом и соотнесем взгляды А.Н. Леонтьева с современными подходами, в первую очередь с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана.

Основные положения деятельностной теории мотивации

Ранее выполненный нами анализ преследовал цель устранить противоречия в традиционно цитируемых текстах А.Н. Леонтьева, обусловленные тем, что понятие «мотив» в них несло чрезмерно большую нагрузку, включая в себя много разных аспектов. В 1940-е гг., когда оно только вводилось как объяснительное, этой растяжимости вряд ли можно было избежать; дальнейшее же развитие этого конструкта привело к его неизбежной дифференциации, появлению новых понятий и сужению за их счет семантического поля собственно понятия «мотив».

Отправной точкой для нашего понимания общей структуры мотивации выступает схема А.Г. Асмолова (1985), выделившего три группы переменных и структур, которые отвечают за эту область. Первая — общие источники и движущие силы деятельности; Е.Ю. Патяева (1983) удачно назвала их «мотивационными константами». Вторая группа — факторы выбора направленности деятельности в конкретной ситуации здесь и теперь. Третья группа — вторичные процессы «ситуативного развития мотивации» (Вилюнас, 1983; Патяева, 1983), которые позволяют понять, почему люди доводят до конца то, что они начали делать, а не переключают

ются каждый раз на все новые и новые соблазны (подробнее см.: Леонтьев Д.А., 2004). Таким образом, главный вопрос психологии мотивации «Почему люди делают то, что они делают?» (Deci, Flaste, 1995) распадается на три более частных вопроса, соответствующих этим трем областям: «Почему люди вообще что-то делают?», «Почему люди в данный момент делают то, что они делают, а не что-то другое?» и «Почему люди, начав что-то делать, обычно доводят это до конца?». Понятие мотива чаще всего используется для ответа на второй вопрос.

Начнем с основных положений теории мотивации А.Н. Леонтьева, более подробно рассмотренных в других публикациях.

1. Источником человеческой мотивации служат потребности. Потребность есть объективная нужда организма в чем-то внешнем — предмете потребности. До встречи с предметом потребность порождает только ненаправленную поисковую активность (см.: Леонтьев Д.А., 1992).

2. Встреча с предметом — опредмечивание потребности — превращает этот предмет в мотив целенаправленной деятельности. Потребности развиваются через развитие их предметов. Именно благодаря тому, что предметами человеческих потребностей выступают предметы, созданные и преобразованные человеком, все человеческие потребности качественно отличаются от иногда сходных с ними потребностей животных.

3. Мотив — это «тот результат, то есть предмет, ради которого осуществляется деятельность» (Леонтьев А.Н., 2000, с. 432). Он выступает как «...то объективное, в чем эта потребность (точнее, система потребностей. — Д.Л.) конкретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность как на побуждающее ее» (Леонтьев А.Н., 1972, с. 292). Мотив — это приобретаемое предметом системное качество, проявляющееся в его способности побуждать и направлять деятельность (Асмолов, 1982).

4. Человеческая деятельность полимотивирована. Это означает не то, что одна деятельность имеет несколько мотивов, а то, что в одном мотиве опредмечиваются, как правило, несколько потребностей в разной степени. Благодаря этому смысл мотива является сложносоставным и задается его связями с разными потребностями (подробнее см.: Леонтьев Д.А., 1993, 1999).

5. Мотивы выполняют функцию побуждения и направления деятельности, а также смыслообразования — придания личного смысла самой деятельности и ее компонентам. В одном месте А.Н. Леонтьев (2000, с. 448) прямо отождествляет направляющую и смыслообразующую функции. На этом основании он различает две

категории мотивов — смыслообразующие мотивы, осуществляющие как побуждение, так и смыслообразование, и «мотивы-стимулы», только побуждающие, но лишенные смыслообразующей функции (Леонтьев А.Н., 1977, с. 202—203).

Постановка проблемы качественных различий мотивации деятельности: К. Левин и А.Н. Леонтьев

Различение «смыслообразующих мотивов» и «мотивов-стимулов» во многом сходно с укоренившимся в современной психологии различием двух качественно различных и основанных на разных механизмах видов мотивации — мотивации внутренней, обусловленной самим процессом деятельности, как она есть, и внешней мотивации, обусловленной пользой, которую может получить субъект от использования отчуждаемых продуктов этой деятельности (деньги, отметки, зачеты и много других вариантов). Это разведение было введено вначале 1970-х гг. Эдвардом Деси; соотношение внутренней и внешней мотивации стало активно изучаться в 1970—1980-е гг. и остается актуальным в наши дни (Гордеева, 2006). Деси смог наиболее четко сформулировать это разведение и проиллюстрировать следствия указанного различения в множестве красивых экспериментов (Deci, Flaste, 1995; Deci et al., 1999).

Первым вопрос о качественных мотивационных различиях естественного интереса и внешних давлений поставил в 1931 г. Курт Левин в своей монографии «Психологическая ситуация награды и наказания» (Левин, 2001, с. 165—205). Он подробно рассмотрел вопрос о механизмах мотивационного действия внешних давлений, заставляющих ребенка «осуществить действие или продемонстрировать поведение, отличное от того, к которому его непосредственно тянет в данный момент» (Там же, с. 165), и о мотивационном действии противоположной этому «ситуации, в которой поведение ребенка управляется первичным или производным интересом к самому делу» (Там же, с. 166). Предметом непосредственного интереса Левина выступают структура поля и направление векторов конфликтующих сил в этих ситуациях. В ситуации непосредственного интереса результирующий вектор всегда направлен в сторону цели, что Левин называет «естественной телеологией» (Там же, с. 169). Обещание награды или угроза наказания создают в поле конфликты разной степени интенсивности и неизбежности.

Сравнительный анализ награды и наказания приводит Левина к выводу: оба способа воздействия не слишком эффективны. «Наряду с наказанием и вознаграждением существует еще и третья возможность вызвать желаемое поведение — а именно возбудить интерес и вызвать склонность к этому поведению» (Там же, с. 202). Когда мы пытаемся заставить ребенка или взрослого делать что-то на основе кнута и пряника, главный вектор его движения оказывается направленным в сторону. Чем больше человек стремится приблизиться к не желаемому, но подкрепляемому объекту и начать делать то, что от него требуют, тем больше вырастают силы, толкающие в противоположном направлении. Кардинальное решение проблемы воспитания Левин видит только в одном — в изменении побудительности предметов через изменение контекстов, в которые включается действие. «Включение задания в другую психологическую область (например, перенос действия из области “школьные задания” в область “действия, направленные на достижение практической цели”) может коренным образом изменить смысл и, следовательно, побудительность самого этого действия» (Там же, с. 204).

Можно увидеть прямую преемственность с этой работой Левина оформившихся в 1940-е гг. идей А.Н. Леонтьева о смысле действий, задаваемых той целостной деятельностью, в которую это действие включено (Леонтьев А.Н., 2009). Еще раньше, в 1936—1937 гг., по материалам исследования в Харькове была написана статья «Психологическое исследование детских интересов во Дворце пионеров и октябрят», опубликованная впервые в 2009 г. (Там же, с. 46—100), где подробнейшим образом исследуется не только соотношение того, что мы называем сегодня внутренней и внешней мотивацией, но и их взаимосвязь и взаимопереходы. Эта работа оказалась недостающим эволюционным звеном в развитии представлений А.Н. Леонтьева о мотивации; она позволяет увидеть истоки понятия мотива в деятельностной теории.

Сам предмет исследования формулируется как отношения ребенка к среде и деятельности, в которых возникает отношение к делу и другим людям. Здесь еще нет термина «личностный смысл», но по сути именно он и является главным предметом изучения. Теоретическая задача исследования касается факторов формирования и динамики детских интересов, причем в качестве критериев интереса выступают поведенческие признаки вовлеченности или невовлеченности в то или иное занятие. Речь идет об октябрятах, младших школьников, конкретно — второклассниках. Характерно, что в работе ставится задача не формирования определенных, за-

данных интересов, а нахождения общих средств и закономерностей, позволяющих стимулировать естественный процесс порождения активного, вовлеченного отношения к разным видам деятельности. Феноменологический анализ показывает, что интерес к определенным занятиям обусловлен их включенностью в структуру значимых для ребенка отношений, как предметно-инструментальных, так и социальных. Показано, что отношение к вещам изменяется в процессе деятельности и связано с местом этой вещи в структуре деятельности, т.е. с характером ее связи с целью.

Именно там А.Н. Леонтьев впервые использует понятие «мотив», причем очень неожиданным образом, противопоставляя мотив интересу. Одновременно он констатирует и несовпадение мотива с целью, показывая, что действиям ребенка с предметом придает устойчивость и вовлеченность что-то другое, нежели интерес к самому содержанию действий. Под мотивом он понимает только то, что сейчас называют «внешний мотив», в противоположность внутреннему. Это «внешняя самой деятельности (т.е. целям и средствам, включенным в деятельность) движущая причина деятельности» (Леонтьев А.Н., 2009, с. 83). Младшие школьники (второклассники) занимаются деятельностью, которая интересна сама по себе (ее цель лежит в самом процессе). Но иногда они занимаются деятельностью без интереса к самому процессу, когда у них есть другой мотив. Внешние мотивы не обязательно сводятся к отчужденным стимулам вроде отметок и требований взрослых. Сюда же относится, например, изготовление подарка для мамы, само по себе не слишком увлекательное занятие (Там же, с. 84).

Дальше А.Н. Леонтьев анализирует мотивы как переходную стадию к возникновению подлинного интереса к самой деятельности по мере вовлечения в нее благодаря внешним мотивам. Причиной постепенного зарождения интереса к деятельности, ранее его не вызывавшей, А.Н. Леонтьев считает установление связи типа средство—цель между этой деятельностью и тем, что заведомо интересно ребенку (Там же, с. 87—88). По сути, речь идет о том, что в более поздних работах А.Н. Леонтьева получило название личностного смысла. В конце статьи А.Н. Леонтьев говорит о смысле и включенности в осмысленную деятельность как об условии изменения точки зрения на вещь, отношения к ней (Там же, с. 96).

В данной статье впервые появляется идея смысла, прямо связываемая с мотивом, что отличает этот подход от других трактовок смысла и сближает с теорией поля Курта Левина (Леонтьев Д.А., 1999). В завершенном варианте мы находим эти идеи сформули-

рованными несколько лет спустя в посмертно опубликованных работах «Основные процессы психической жизни» и «Методологические тетради» (Леонтьев А.Н., 1994), а также в статьях начала 1940-х гг., таких как «Теория развития психики ребенка» и др. (Леонтьев А.Н., 2009). Здесь уже появляются развернутая структура деятельности, а также представление о мотиве, охватывающее как внешнюю, так и внутреннюю мотивацию: «Предмет деятельности и является одновременно тем, что побуждает данную деятельность, т.е. ее мотивом. ... Отвечая той или иной потребности, мотив деятельности переживается субъектом в форме желания, хотения и т.п. (или, наоборот, в форме переживания отвращения и т.п.). Эти формы переживания суть формы отражения отношения субъекта к мотиву, формы переживания смысла деятельности» (Леонтьев А.Н., 1994, с. 48—49). И далее: «(Именно несовпадение предмета и мотива является критерием для отличия действия от деятельности; если мотив данного процесса лежит в нем самом, это — деятельность, если же он лежит вне самого этого процесса, это — действие.) Это сознаваемое отношение предмета действия к его мотиву и есть смысл действия; форма переживания (сознания) смысла действия есть сознание его цели. (Поэтому предмет, имеющий для меня смысл, есть предмет, выступающий как предмет возможного целенаправленного действия; действие, имеющее для меня смысл, есть соответственно действие, возможное по отношению к той или иной цели.) Изменение смысла действия есть всегда изменение его мотивации» (Там же, с. 49).

Именно из начального различия мотива и интереса выросло более позднее разведение А.Н. Леонтьевым мотивов-стимулов, лишь побуждающих подлинный интерес, но не связанных с ним, и смыслообразующих мотивов, имеющих для субъекта личностный смысл и в свою очередь придающих смысл действию. Вместе с тем противопоставление этих двух разновидностей мотивов оказалось чрезмерно заостренным. Специальный анализ мотивационных функций (Леонтьев Д.А., 1993, 1999) привел к выводу о неразрывности побудительной и смыслообразующей функций мотива и о том, что побуждение обеспечивается исключительно благодаря механизму смыслообразования. «Мотивы-стимулы» не лишены смысла и смыслообразующей силы, однако их специфика в том, что они связаны с потребностями искусственными, отчужденными связями. Разрыв и этих связей приводит к исчезновению побуждения.

Тем не менее можно увидеть отчетливые параллели между различием двух классов мотивов в теории деятельности и в

теории самодетерминации. Интересно, что и авторы теории самодетерминации постепенно пришли к осознанию неадекватности бинарного противопоставления внутренней и внешней мотивации и к введению модели мотивационного континуума, описывающего спектр различных качественных форм мотивации одного и того же поведения — от внутренней мотивации, основанной на ограниченном интересе, «естественной телеологии», до внешней контролируемой мотивации, основанной на «кнуте и прянике» и амотивации (Гордеева, 2010; Deci, Ryan, 2008).

В теории деятельности, как и в теории самодетерминации, различаются мотивы деятельности (поведения), органично связанные с природой самой выполняемой деятельности, сам процесс которой вызывает интерес и другие положительные эмоции (смыслообразующие, или внутренние, мотивы), и мотивы, побуждающие деятельность лишь в силу их приобретенных связей с чем-то непосредственно значимым для субъекта (мотивы-стимулы, или внешние мотивы). Любая деятельность может выполняться не ради ее самой, и любой мотив может вступить в подчинение другим, посторонним потребностям. «Студент может заниматься учебой для того, чтобы приобрести расположение своих родителей, но он может и бороться за их расположение, чтобы получить позволение учиться. Таким образом, перед нами два разных соотношения цели и средств, а не два принципиально различных вида мотивации» (Nuttin, 1984, p. 71). Различие заключается в характере связи деятельности субъекта с его реальными потребностями. Когда эта связь является искусственной, внешней, мотивы воспринимаются как стимулы, а деятельность — как лишенная самостоятельного смысла, имеющая его лишь благодаря мотиву-стимулу. В чистом виде, однако, такое встречается относительно редко. Общий смысл конкретной деятельности — это сплав ее частичных, парциальных смыслов, каждый из которых отражает ее отношение к какой-либо одной из потребностей субъекта, связанной с данной деятельностью прямо или косвенно, необходимым образом, ситуативно, ассоциативно или как-либо иначе. Поэтому деятельность, побуждаемая всецело «внешними» мотивами, — столь же редкий случай, как и деятельность, в которой они полностью отсутствуют.

Эти различия целесообразно описывать в терминах качества мотивации. Качество мотивации деятельности — это характеристика того, в какой мере эта мотивация согласуется с глубинными потребностями и личностью в целом. Внутренняя мотивация — это мотивация, непосредственно исходящая из них. Внешняя мотивация — это мотивация, изначально с ними не связанная; ее связь

с ними устанавливается благодаря выстраиванию определенной структуры деятельности, в которой мотивы и цели приобретают опосредованный, иногда отчужденный смысл. Эта связь может по мере становления личности интериоризовываться и породить достаточно глубокие сформированные личностные ценности, скорординированные с потребностями и структурой личности — в этом случае мы будем иметь дело с автономной мотивацией (в терминах теории самодетерминации), или с интересом (в терминах ранних работ А.Н. Леонтьева). Теория деятельности и теория самодетерминации различаются по тому, как они описывают и объясняют эти различия. В теории самодетерминации предложено гораздо более четкое описание качественного континуума форм мотивации, а в теории деятельности лучше проработано теоретическое объяснение мотивационной динамики. В частности, ключевым понятием в теории А.Н. Леонтьева, объясняющим качественные различия мотивации, служит отсутствующее в теории самодетерминации понятие смысла. В следующем разделе мы рассмотрим более подробно место понятий смысла и смысловых связей в деятельностной модели мотивации.

Мотив, цель и смысл: смысловые связи как основа механизмов мотивации

Мотив «запускает» человеческую деятельность, определяя, что именно нужно субъекту в данный момент, но он не может придать ей конкретную направленность иначе чем через формирование или принятие цели, которая и определяет направление действий, приводящих к реализации мотива. «Цель — это представленный заранее результат, к которому стремится мое действие» (Леонтьев А.Н., 2000, с. 434). Мотив «определяет зону целей» (Там же, с. 441), и в рамках этой зоны ставится конкретная цель, заведомо связанная с мотивом.

Мотив и цель — это два разных качества, которые может приобретать предмет целенаправленной деятельности. Их нередко путают, потому что в простых случаях они часто совпадают: в этом случае конечный результат деятельности совпадает с ее предметом, оказываясь одновременно и ее мотивом, и целью, однако по разным основаниям. Мотивом он является, потому что в нем опредмечиваются потребности, а целью — потому что именно в нем мы видим конечный желаемый результат нашей деятельности, который служит критерием оценки, правильно мы движемся или нет, приближаемся к цели или отклоняемся от нее.

Мотив — это то, что порождает данную деятельность, без чего ее не будет, причем он может не осознаваться или осознаваться искаженно. Цель — это предвосхищаемый в субъективном образе конечный результат действий. Цель всегда присутствует в сознании. Она задает принятое и санкционированное личностью направление действий независимо от того, насколько глубоко оно мотивировано, связано ли оно с внутренними или с внешними, глубинными или поверхностными мотивами. Более того, цель может быть предложена субъекту как возможность, обдумана и отвергнута; с мотивом такое произойти не может. Известно высказывание Маркса: «Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем построить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове» (Маркс, 1960, с. 189). Хоть пчела и строит весьма совершенные сооружения, никакой цели, никакого образа у нее нет.

И наоборот, за любой действующей целью открывается мотив деятельности, который объясняет, почему субъект принял данную цель к исполнению, будь то цель, созданная им самим или заданная извне. Мотив связывает данное конкретное действие с потребностями и личностными ценностями. Вопрос о цели — это вопрос о том, что именно субъект хочет достичь, вопрос о мотиве — это вопрос «зачем?».

Субъект может действовать прямолинейно, делая только то, что ему непосредственно хочется, напрямую реализуя свои желания. В этой ситуации (а в ней находятся все животные) вопрос о цели вообще не стоит. Там, где я делаю то, что мне непосредственно нужно, от чего непосредственно получаю удовольствие и ради чего, собственно, я этим занимаюсь, цель просто совпадает с мотивом. Проблема цели, которая отличается от мотива, возникает тогда, когда субъект делает то, что не направлено напрямую на удовлетворение его потребностей, но в конечном счете приведет к полезному результату. Цель всегда направляет нас в будущее, и ориентация на цели, в противовес импульсивным желаниям, невозможна без сознания, без возможности представить себе будущее, без временной перспективы. Осознавая цель, будущий результат, мы осознаем и связь этого результата с тем, что нам в перспективе нужно: любая цель имеет смысл.

Телеология, т.е. ориентация на цели, качественно преобразует человеческую деятельность по сравнению с причинно-обусловленным поведением животных. Хотя в человеческой деятельности причинная обусловленность сохраняется и занимает большое место, она не является единственным и универсальным причинным объяснением.

«Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первой я разумею жизнь, которая управляется причинами, под второю — жизнь, которая управляется целью. Жизнь, управляемую причинами, справедливо назвать бессознательной; это потому, что хотя сознание здесь и участвует в деятельности человека, но лишь как пособие: не оно определяет, куда эта деятельность может быть направлена, и так же — какова она должна быть по своим качествам. Причинам, внешним для человека и независимым от него, принадлежит определение всего этого. В границах, уже установленных этими причинами, сознание выполняет свою служебную роль: указывает способы той или иной деятельности, ее легчайшие пути, возможное и невозможное для выполнения из того, к чему нудят человека причины. Жизнь, управляемую целью, справедливо назвать сознательной, потому что сознание является здесь началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цепь человеческих поступков; и так же — устройство их всех по плану, наиболее отвечающему достигнутому...» (Розанов, 1994, с. 21).

Цель и мотив не тождественны, но они могут совпадать. Когда то, чего субъект сознательно стремится достичь (цель), и есть то, что его реально побуждает (мотив), они совпадают, накладываются друг на друга. Но мотив может и не совпадать с целью, с содержанием деятельности. Например, учеба часто мотивирована не познавательными мотивами, а совсем другими — карьерными, конформистскими, самоутверждения и пр. Как правило, разные мотивы сочетаются в разных соотношениях, и именно определенное их сочетание оказывается оптимальным.

Расхождение цели с мотивом возникает в тех случаях, когда субъект делает не то, чего непосредственно сейчас хочет, а прямо он это получить не может, а делает что-то вспомогательное, чтобы потом, в конечном итоге, получить желаемое. Человеческая деятельность построена именно так, нравится нам это или нет. Цель действий, как правило, расходится с тем, что удовлетворяет потребность. В результате формирования совместно распределенной деятельности, а также специализации и разделения труда возникает сложная цепь смысловых связей. К. Маркс дал этому точную психологическую характеристику: «Для себя самого рабочий производит не шелк, который он ткёт, не золото, которое он извлекает из шахты, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит заработную плату... Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он ткёт, прядёт, сверлит и т.д., а в том, что это — способ заработка, который дает ему возможность поесть, пойти в

трактир, поспать» (Маркс, Энгельс, 1957, с. 432). Маркс описывает, конечно, отчужденный смысл, но если бы не было и этой смысловой связи, т.е. связи цели с мотивацией, то человек бы не работал. Даже отчужденная смысловая связь связывает определенным образом то, что человек делает, с тем, что ему нужно.

Сказанное выше хорошо иллюстрирует притча, часто пересказываемая в философской и психологической литературе. Шел странник по дороге мимо большой стройки. Он остановил рабочего, который тащил тачку с кирпичами, и спросил его: «Что ты делаешь?» «Везу кирпичи», — ответил рабочий. Он остановил второго, который вез такую же тачку, и спросил его: «Что ты делаешь?» «Кормлю семью», — ответил второй. Он остановил третьего и спросил: «Что ты делаешь?» «Строю кафедральный собор», — ответил третий. Если на уровне поведения, как сказали бы бихевиористы, все три человека делали абсолютно одно и то же, то у них различался смысловой контекст, в который они вписывали свои действия, различались смысл, мотивация и сама деятельность. Смысл трудовых операций определялся для каждого из них шириной контекста, в котором они воспринимали свои собственные действия. Для первого не было никакого контекста, он делал только то, что он сейчас делал, смысл его действий не выходил за пределы данной конкретной ситуации. «Я везу кирпичи» — это и есть то, что я делаю. Человек не задумывается о более широком контексте своих действий. Его действия оказываются не соотношенными не только с действиями других людей, но и с другими фрагментами его собственной жизни. Для второго контекст связан с его семьей, для третьего — с определенной культурной задачей, причастность к которой он осознавал.

Классическое определение характеризует смысл как выражающий «отношение мотива деятельности к непосредственной цели действия» (Леонтьев А.Н., 1977, с. 278). В это определение необходимо внести два уточнения. Во-первых, смысл не просто *выражает* это отношение, он *и есть* это отношение. Во-вторых, в данной формулировке речь идет не о любом смысле, а о конкретном смысле действия, или смысле цели. Говоря про смысл действия, мы спрашиваем о его мотиве, т.е. о том, ради чего оно выполняется. Отношение средства к цели — это смысл средства. А смысл мотива, или, что то же самое, смысл деятельности в целом — это отношение мотива к тому, что больше и устойчивее, чем мотив, к потребности или личностной ценности. Смысл всегда связывает меньшее с большим, частное с общим. Говоря про смысл жизни, мы соотносим жизнь с чем-то, что больше индивидуальной жизни, с чем-то, что не кончится с ее завершением.

Заключение: качество мотивации в подходах теории деятельности и теории самодетерминации

В данной статье прослеживается линия развития в теории деятельности представлений о качественной дифференциации форм мотивации деятельности в зависимости от того, в какой мере эта мотивация согласуется с глубинными потребностями и с личностью в целом. Истоки этой дифференциации обнаруживаются в некоторых работах К. Левина и в работах А.Н. Леонтьева 1930-х гг. Полный ее вариант представлен в поздних идеях А.Н. Леонтьева о видах и функциях мотивов.

Другое теоретическое осмысление качественных различий мотивации представлено в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, в терминах интернализации мотивационной регуляции и мотивационного континуума, в которых прослеживается динамика «вращения» внутрь мотивов, изначально коренящихся во внешних требованиях, иррелевантных потребностям субъекта. В теории самодетерминации предложено гораздо более четкое описание качественного континуума форм мотивации, а в теории деятельности лучше проработано теоретическое объяснение мотивационной динамики. Ключевым выступает понятие личностного смысла, связывающего цели с мотивами и мотивы с потребностями и личностными ценностями. Качество мотивации представляется актуальной научной и прикладной проблемой, в отношении которой возможно продуктивное взаимодействие между теорией деятельности и ведущими зарубежными подходами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асмолов А.Г. Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 14—27.

Асмолов А.Г. Мотивация // Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 190—191.

Вилюнас В.К. Теория деятельности и проблемы мотивации // А.Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 191—200.

Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Академия, 2006.

Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 4 (12). URL: <http://psystudy.ru>

Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2000.

Леонтьев А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучения. М.: Смысл, 2009.

Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 107—117.

Леонтьев Д.А. Системно-смысловая природа и функции мотива // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1993. № 2. С. 73—82.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.

Леонтьев Д.А. Общее представление о мотивации человека // Психология в вузе. 2004. № 1. С. 51—65.

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.

Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 6. С. 428—459.

Патяева Е.Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1983. № 4. С. 23—33.

Розанов В. Цель человеческой жизни (1892) // Смысл жизни: антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс-Культура, 1994. С. 19—64.

Deci E., Flaste R. Why we do what we do: Understanding Self-motivation. N.Y.: Penguin, 1995.

Deci E.L., Koestner R., Ryan R.M. The undermining effect is a reality after all: Extrinsic rewards, task interest, and self-determination // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. P. 692—700.

Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. P. 182—185.

Nuttin J. Motivation, planning, and action: a relational theory of behavior dynamics. Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.

Поступила в редакцию 13.09.2016

Принята к публикации 04.10.2016

A. N. LEONTIEV'S CONCEPT OF MOTIVE AND THE ISSUE OF THE QUALITY OF MOTIVATION

Dmitry A. Leontiev^{1, 2}

¹ Higher School of Economics — National Research University, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, Moscow, Russia

Abstract: The paper analyzes the emergence of the concept of motive in Alexey N. Leontiev's early writings and its correspondence to Kurt Lewin's ideas and to the distinction of intrinsic versus extrinsic motivation and the concept of the continuum of regulation in the present day self-determination theory of E. Deci and R. Ryan. The distinctions of extrinsic motivation based on reward and punishment versus “natural teleology” in K. Lewin's works and of (extrinsic) motive versus interest in early A. N. Leontiev's texts are explicated. The relationships between motive, goal, and personal meaning in the structure of activity regulation are analyzed. The author introduces the concept of quality of motivation referring to the degree of correspondence between motivation and one's needs and authentic Self at large; the complementarity of activity theory approach and self-determination theory as regards the quality of motivation issue is highlighted.

Key words: motive, goal, meaning, Activity theory approach, Self-determination theory, interest, extrinsic vs. intrinsic motivation, the quality of motivation.

References:

Asmolov, A.G. (1982) Osnovnye printsipy psikhologicheskogo analiza v teorii deyatelnosti. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2, 14—27.

Asmolov, A.G. (1985) Motivatsiya. In A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky (eds.) *Kratkiy psikhologicheskii slovar'* [Short psychological dictionary] (pp. 190—191). Moscow: Politizdat.

Deci, E., Flaste, R. (1995) *Why we do what we do: Understanding Self-motivation*. N.Y.: Penguin.

Deci, E.L., Koestner, R., Ryan, R.M. (1999) The undermining effect is a reality after all: Extrinsic rewards, task interest, and self-determination. *Psychological Bulletin*, 125, 692—700.

Deci, E.L., Ryan, R.M. (2008) Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, 49, 182—185.

Gordeeva, T.O. (2006) *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [The psychology of achievement motivation]. Moscow: Smysl; Akademiya, 2006.

Gordeeva T.O. (2010) Teoriya samodeterminatsii: nastoyashchee i budushchee. Chast' 1: Problemy razvitiya teorii. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research]: elektron. nauch. zhurn. 2010. N 4 (12). URL: <http://psystudy.ru>

Leontiev, A.N. (1972) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of development of psyche]. 3-e izd. Moscow: Izd-vo MGU.

Leontiev, A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1977.

Leontiev, A.N. (1994) *Filosofiya psikhologii: iz nauchnogo naslediya* [Philosophy of psychology: from scientific heritage] / A.A. Leontiev, D.A. Leontiev (eds.) Moscow: Izd-vo MGU, 1994.

Leontiev, A.N. (2000) *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General psychology] / D.A. Leontiev, E.E. Sokolova (eds.). Moscow: Smysl.

Leontiev, A.N. (2009) *Psikhologicheskie osnovy razvitiya rebenka i obucheniya* [Psychological basis of child development and learning]. Moscow: Smysl.

Leontiev, D.A. (1992) Zhiznenny mir cheloveka i problema potrebnostey. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 13, 2, 107—117.

Leontiev, D.A. (1993) Sistemno-smyslovaya priroda i funktsii motiva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2, 73—82.

Leontiev, D.A. (1999) *Psikhologiya smysla* [The psychology of meaning]. Moscow: Smysl.

Leontiev, D.A. (2004) Obshchee predstavlenie o motivatsii cheloveka. *Psikhologiya v vuze* [Psychology in high school], 1, 51—65.

Levin, K. (2001) *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy* [Dynamic psychology: Selected works]. Moscow: Smysl.

Marks, K. (1960) Kapital // Marks, K., Engel's, F. *Sochineniya* [Works]. 2-e izd. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat.

Marks, K., Engel's, F. (1957) Naemnyy trud i kapital // *Sochineniya* [Works]. 2-e izd. (Vol. 6, pp. 428—459). Moscow: Gospolitizdat.

Nuttin, J. (1984) *Motivation, planning, and action: a relational theory of behavior dynamics*. Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates.

Patyaeva, E.Yu. (1983) Situativnoe razvitie i urovni motivatsii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 23—33.

Rozanov, V. (1994) Tsel' chelovecheskoy zhizni (1892). In N.K. Gavryushin (ed.) *Smysl zhizni: antologiya* [Meaning of life: the anthology] (pp. 19—64). Moscow: Progress-Kul'tura.

Vilyunas, V.K. (1983) Teoriya deyatel'nosti i problemy motivatsii. In A.V. Zaporozhets et al. (eds.) *A.N. Leontiev i sovremennaya psikhologiya* [A. N. Leontiev and modern psychology] (pp. 191—200). Moscow: Izd-vo MGU.

Original manuscript received September, 13, 2016

Revised manuscript accepted October, 4, 2016